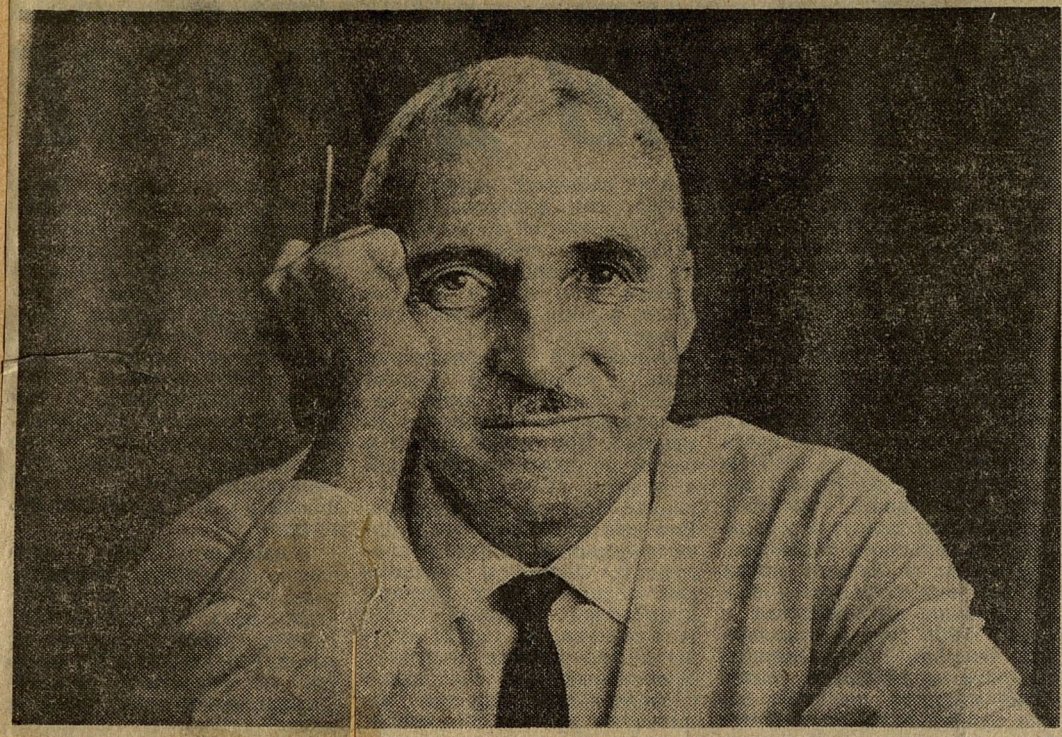

люди искусства

В ПАМЯТИ И В СЕРДЦЕ

И. ГРИНБЕРГ

Неожиданность — замечательная и добрая величина в образном творчестве, если она означает выдвижение, раскрытие глубинных стремлений, до поры до времени неясных и самому художнику. В 1971 году Константин Симонов, рассказывая о своих планах, заметил, что он не собирается в ближайшее время «в прозе заниматься Великой Отечественной войной», по крайней мере «в общепринятых масштабах». Прошло, однако же, немного времени, и на страницах журнала «Дружба народов» появились военные дневники Константина Симонова, начатые 21 июня 1941 года и завершённые 10 мая 1945 года... Дневники, в которых записи тридцатилетней давности соседствовали с теми, что были сделаны совсем недавно и передавали нынешние умонастроения писателя. Именно сближение, скрепление двух рядов наблюдений и оценок, оттенило и единство, последовательность позиции рассказчика, и его способность чувствовать движение времени, находя в нем основу переосмысления, обогащения ранее накопленного жизненного опыта. Оттого-то и стала эта проза, подчеркнуто достоверная и вместе с тем страстно поисковая, важным, сочувственно встреченным событием литературной жизни. Так же, как и в недавно вышедших фильмах о войне, поставленных по сценариям Константина Симонова, здесь жаркое, властное переживание, напряженная работа мысли приобщила документы былых героических лет к нынешним трудам и дням, сделала их частью нашей текущей жизни.

Нет, не ушел, смею сказать, не мог уйти Константин Симонов от источника своего вдохновения, от того, что было и осталось его призванием, смыслом его существования в литературе и искусстве! Десять лет тому назад он написал: «Поразному складывается у людей школа жизни. Для меня главной школой жизни оказалась армия». И уточнил: «С одной стороны, армия была для меня школой жизни в смысле жизненного поведения, воспитания характера, нравственных принципов, а с другой стороны, она была школой для меня как для писателя».

К сказанному можно добавить, что Константин Симонов, еще не переступив порога избранной им трудной и благородной Школы, готовился к учению в ней настойчиво и вдохновенно, с настоящей армейской дисциплинированностью. Совсем молодым поэтом он обращался к военному прошлому нашей страны, к ее защитникам — от прославленного Суворова до скромнейшего капитана, несшего службу на краю земли, к солдатам справедливой, революционной войны, сражавшимся за свободную, республиканскую Испанию. И этим сразу выказал свою способность и готовность воплощать в образах, раскрывающих жизнь армии, многостороннюю широту исторических, общественных, человеческих связей.

Люди — они-то и стали жизненным центром произведений Константина Симонова. Прочно усвоив первый серьезный урок воинского, боевого воспитания, пройденный им на Халхин-Голе, Симонов тотчас же стал добиваться большей концентрированности, емкости своей ли-

рики, насыщая ее думами, ощущениями, возникавшими на полях сражений. И одновременно начал овладевать оружием драматургии, избрав своим героем человека, навсегда связавшего себя с армией, решившего отдать ей безраздельно талант, энергию, а в случае нужды и жизнь. По призванию самого драматурга, он хотел сперва назвать пьесу «Герой Советского Союза», но по совету ее первого постановщика Ивана Николаевича Берсенева дал ей иное имя — «Парень из нашего города». О многом говорит сопоставление этих двух названий, позволяющее понять, откуда, из какой среды в наше время появляются герои, на какой плодотворной, питательной народной почве они возрастают. Для Симонова такие люди были друзьями, теми, с кем предстояло ему жить, действовать, идти по дорогам неотвратимо надвигавшейся войны, потребовавшей исполненного напряжения всех сил советского общества. А вместе с тем он, как только наступил грозный час, сразу же убедился, что победу завоевывает весь народ — от мала до велика, те, кто носил армейские шинели и партизанские полушубки, рабочие ватники и деревенские тулупы. Для того чтобы рассказать об Отечественной войне с наибольшей полнотой, надо было передать эту разносторонность народного подвига, охватить многообразие характеров и отношений, ее представляющих. И Константин Симонов с решительностью, которая уже стала неотъемлемой чертой его писательского облика, раздвинул круг своих героев. Рядом с кадровыми военными, что действуют в его фронтовых корреспонденциях, составивших четыре книги очерков «От Черного до Баренцева моря», в первом большом прозаическом произведении — повести «Дни и ночи», в пьесе «Русские люди» появились работники самых несхожих, сугубо мирных специальностей и разных поколений, взявшихся за оружие, следуя своим патристическим чувствам. «Это пьеса не о военных профессиях, а о людях, попавших в обстановку войны, необходимости принужденных воевать», — предупреждал сам же драматург в «Письмах в театр». И показывал, как в жестоком, строгом испытании проверяется, обнаруживается подлинная стойкость личных наклонностей, свойств, как индивидуальности, совсем не схожие, с несовпадающими интересами и побуждениями, находят общий язык, образуют неразложимое, прочное целое, когда их воодушевляет благородная объединяющая идея, ставшая насущной сердечной потребностью.

Да, в годы Великой Отечественной войны создавались произведения, которые, отвечая потребностям месяца, недели, дня, вместе с тем имели значение долговременное, непреходящее, казались вопросов, что и поныне волнуют людей второй половины двадцатого столетия. Такими оказались и произведения Константина Симонова, написанные с той зоркостью, пронизательностью, которая, по его же словам, дается зрением, обостренному войной, ее испытаниями.

Должно быть, именно не насыщенная жажда постижения военной действительности, побудившая Симонова нахо-

диться на различных участках исполненной битвы — и по возможности там, где происходили наиболее важные события. — требовала от него щедрой «отдачи», обращения к различным жанрам, каждый из которых позволял писателю выразить новую, особую грань познания и через сердце пропущенной жизни. В очерках был запечатлен тяжкий, доблестный труд фронтовиков, постепенное и неотвратимое приближение к Победе. В поэзии — чувства самого поэта и его товарищей, тех, с которыми он ходил в подводной лодке к вражеским берегам, мерз на далеком Севере, дошел до последнего рубежа на волжских берегах, а затем двинулся на Запад до самого Берлина; вот где рождалась походная лирика утрат и надежд, суровая и отзывчивая, сосредоточенная и доверчивая. В драматургии — те отношения, что связывали людей нашей страны в годы тяжчайших испытаний, и притом были направлены к миру и созиданию. В самом де-

лительстве, выдвигать решения, подбирать краски, только ему одному доступные и пригодные. Вот и наблюдаю за тем, как Константин Симонов внимателен ко всему, что сказано, написано о войне, как с неизменной восторженностью вспоминает он о «Книге про бойца» Александра Твардовского, как высоко оценивает прозу старшего годами Бориса Горбатова и позднее начавшего Виктора Астафьева, еще яснее различаешь его независимость и внутреннюю цельность. Он меняет виды, способы образного воплощения, но остается верным себе, своим представлениям о жизни, о времени, о людях, о движущих силах времени.

Он мог проверить себя, свой корреспондентский труд военных лет, взявшись за свою трилогию, которую теперь считает единым романом в трех книгах с общим названием «Живые и мертвые». Рано или поздно Симонов должен был написать его. Речь шла, разумеется, не только о подтоживании, объединении ранее собранных фактов, накопленных впечатлений, но прежде всего о создании характеров содержательных, живых, способных воплотить огромность переживаний и свершений Отечественной войны, сказать о том, какими были ее солдаты, передать ее высокую и многомерную правду, осветить дороги, которые вели к Победе. Так и появились герои, вошедшие в плотный ряд тех человеческих образов, что остаются в памяти читателей их постоянными спутниками, ступнями истины человеческой и исторической — от полководца, кадрового военного Серпилина до недавнего штатского, ставшего заправским солдатом Синцова, многоликий строй людей, спаянных крепко-накрепко общим героическим делом. Они получили затем новое образное бытие на экране, и наш зритель имел возможность снова убедиться в том, что хорошая литература становится хорошим фильмом, когда оказывается источником вдохновения мастеров, претворяющих словесный образ в кинематографический.

Да, подлинное произведение искусства ценно по премуществу не только своим непосредственным воздействием, но и значительностью, принципиальным смыслом тех поисков, усилий, которые предшествовали его возникновению. Симонов в ряде бесед и статей с исчерпывающей рельефностью охарактеризовал выполненную им работу над романами, сложившимися затем в единую книгу. Череду поправок, уточнений, доделок, изменений, опросы участников войны, сбор новых и новых фактов, безжалостные сокращения, отважные переборки и сближения персонажей, выбор финальных сцен — все это освещено серьезной, трезвой, точно нацеленной, поистине армейской мыслью.

Упорный труд, сочетающий размеренность, взвешенность с воодушевлением... Да, в армии Константин Симонов хорошо узнал, что такое направление главного удара, и постарался определить, нанести его с возможно большей точностью.

И вслед за тем, как мы уже знаем, ощутил, увидел, что возможны и другие подходы, что о войне он может рассказать еще многое, «перечитав», обдумав, досказав свои дневниковые записи!

Бездонна память об Отечественной войне. И бесчисленные повороты, срезы ее образного воплощения. О том говорят творческие биографии ряда наших писателей. И в числе самых насыщенных, обильных событиями, впечатлениями, действиями — биография Константина Симонова. Она вмещает многие книги, начинания, поездки, награды, должности, звания, замыслы и снова книги — романы, пьесы, очерки, стихотворения, поэмы, публицистические выступления, воспоминания, письма... Все это очень далеко от итога. Когда Симонов обращается к своему прошлому, он, судя по всему, так поступает не для того, чтобы безраздельно погрузиться в него, а чтобы найти здесь опору для новых устремлений в будущее.

В конце пятидесятых годов Симонов в качестве разъездного корреспондента «Правды» по республикам Средней Азии находился в Ташкенте. Наверное, тогда ему не раз доводилось слышать узбекское приветствие, означающее «Не уставать вам!» Право же, можно предполагать, что это чудесное, исполненное трудового доброжелательства восклицание он выбрал в качестве девиза, определяющего его жизненный, творческий путь.

● Константин Симонов.

Фото Е. Халдея.